Л.Н.ЕРМОЛЕНКО, Ж.К. КУРМАНКУЛОВ

ПРОБЛЕМА ИКОНОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОКОВ ПОЛОВЕЦКОЙ СКУЛЬПТУРЫ И ОСОБЕННОЕ КЫПЧАКСКОЕ ИЗВАЯНИЕ ИЗ УРОЧИЩА КЫЗЛЫ

Венцом развития скульптуры средневековых тюркоязычных кочевников в степях Евразии стали половецкие изваяния. Согласно Г.А. Федорову-Давыдову, художественные достижения камнерезов, творивших в восточноевропейских степях, были весьма значительными: «Реалистическая трактовка антропоморфных форм, понимание пластической выразительности их поверхностей, создание круглой скульптуры, пусть тяжеловесной и не освободившейся до конца от каменного блока ...» (Федоров-Давыдов Г.А., 1976, с. 96). Восточноевропейские средневековые изваяния, в основном сосредоточенные в музейных коллекциях и депаспортизованные, неоднократно становились предметом специального изучения. Исследователи данного феномена пытаются проследить его генезис и выявить иконографические истоки в более ранней азиатской скульптуре. Этому способствовала публикация в 1960-х годах изваяний Семиречья, в том числе изображений мужчин и женщин с сосудом в обеих руках (Шер Я.А., 1966. с. 26). Я.А. Шер и Г.А. Федоров-Давыдов не только обратили внимание на сходство жеста рук, держащих сосуд у живота, семиреченских и восточноевропейских изваяний, но и высказали предположение об их иконографической преемственности (Шер Я.А., 1966, с. 44; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 188–189). Механизм преемственности, по Г.А. Федорову-Давыдову, был следующим: из Семиречья в начале II тыс. традиция была заимствована «восточнокыпчакскими племенами – кимаками»; восточные кыпчаки в X–XI вв. распространили ее «по всей территории Казахстана», принесли в восточноевропейские степи. Там, в среде западных кыпчаков-половцев, обособившихся в XII в. «от своих восточных соплеменников», она претерпела трансформацию (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 189). Эволюция изваяний в восточноевропейских степях, по мнению Г.А. Федорова-Давыдова, началась со статуй, изображающих стоящих людей – мужчин и женщин с сосудом в обеих руках. Следует заметить, что Федоров-Давыдов сомневался в существовании прототипа женских «половецких» статуй в Семиречье, поскольку допускал, что кружки на груди семиреченских изваяний могли изображать бляхи – мужской (воинский) аксессуар (Федоров-Давыдов Г.А., 1974, с. 90, 201, примеч. 17).

В противоположность Г.А. Федорову-Давыдову, С.А. Плетнева реконструировала разные линии развития мужских и женских изображений в скульптуре восточноевропейских степей и считала, что мужские изваяния появились здесь раньше женских (Плетнева С.А., 1974, с. 70). Ко времени выхода книги С.А. Плетневой стало известно о «кимако-кипчакских» изваяниях Прииртышья (Арсланова Ф.Х.,

Чариков А.А., 1974). Сравнив их с наиболее ранними типами мужских половецких статуй, С.А. Плетнева заключила, что существует «прямая преемственность половецкой скульптуры от кимакской» (Плетнева С.А., 1974, с. 69).

В отличие от Г.А. Федорова-Давыдова и С.А. Плетневой, которые были сторонниками единой – половецкой – этнической принадлежности скульптуры восточноевропейских степей, Л.С. Гераськова попыталась обосновать ее неоднородность, разделив на три «массива». Согласно Л.С.Гераськовой, половецкими являются статуи позднего (XI–XIII вв.) массива, ранний (VIII–X вв.) массив составляют «статуи древнетюркского типа» (в работе 1991 г. Л.С. Гераськова допускает их печенежскую атрибуцию). Еще один массив, предположительно соотнесенный автором с торками, определен как переходно-промежуточный (Гераськова Л.С., 1991, с. 78, 99).

Изваяния раннего массива, распространенные в Северо-Восточном Приазовье и на правобережье Северского Донца, схематически изображают человека с сосудом в обеих руках (положение рук симметричное или асимметричное) или только голову человека (Гераськова Л.С., 1991, рис. 14). К половецким автор относит объемные статуи сидящих и стоящих людей (мужчин и женщин) с сосудом в обеих руках и множеством атрибутов. Скульптура «промежуточного» массива, во многом сходная с половецкой, отличается от нее частичным изображением человеческой фигуры.

В вопросе об истоках половецкой скульптуры Л.С. Гераськова приходит к двойственному выводу. С одной стороны, она заявляет об отсутствии «прямой генетической связи» половецкой скульптуры с азиатскими изваяниями «древнетюркского и постдревнетюркского периодов», с другой, признает, что половецкая скульптура вобрала в себя некоторые их черты. «От древнетюркской скульптуры половцы взяли изображения одетых фигур с оружием и иными бытовыми принадлежностями, от скульптуры постдревнетюркского периода – симметричное положение рук с сосудом, оголенный торс, а также женские изображения» (Гераськова Л.С., 1991, с. 100).

Не вдаваясь в обсуждение классификаций и эволюционных схем восточноевропейских изваяний, следует указать на то, что выводы о генезисе восточноевропейской скульптуры исследователи до сих пор делали на очень ограниченном сравнительном материале. Особенно это касается сведений об изваяниях Казахского мелкосопочника (Сары Арки). Так, Л.С. Гераськова пишет, что на территории Центрального и Северного Казахстана «известно 26 экземпляров статуй» (Гераськова Л.С., 1999, с. 418). Однако еще А.Х. Маргуланом здесь было открыто свыше 100 изваяний средневековых кочевников (Маргулан А.Х., 1966; 2003). Авторами настоящей статьи документировано около 150 древнетюркских и кыпчакских (в оба определения вкладывается эпохальный смысл. – Авт.) изваяний, не считая более древних памятников (Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., 2004, 2006; Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Байтлеу Д., 2010; и др.). Изучение скульптуры далеко не завершено: запросы современной науки требуют тотального выявления и исследования на новейшем уровне (в том числе с использованием геологического и петрографического анализа, применяемого Л.С. Гераськовой) изваяний западного региона азиатских степей в целом. Однако казахстанские изваяния, менее полно изученные по сравнению с восточноевропейскими, обладают тем источниковедческим преимуществом, что многие из них сохранились in situ, в контексте сооружений.

Указанное обстоятельство оказалось значимым при систематизации лишенных датирующих атрибутов изваяний, изображающих человеческую голову (погрудных). В казахстанских степях по способу установки и, в большинстве случаев, по стилистическим приемам такие изваяния четко соотносятся с изваяниями, воспроизводящими человеческую фигуру по пояс или полностью, принадлежащими к двум различным и разновременным группам – древнетюркской и кыпчакской (Ермоленко Л.Н., 2004, с. 16 и сл.). То есть кыпчакская скульптура представлена двумя основными иконографическими типами: изображения человека с сосудом в обеих руках (поясные и полнофигурные) и изображения человеческой головы (погрудные).

Судя по схематичным рисункам погрудных изваяний раннего массива восточноевропейских степей в таблице книги Л.С.Гераськовой (Гераськова Л.С., 1991, рис. 12, *26–44*), они тождественны погрудным кыпчакским изваяниям. Так же, как ранние восточноевропейские статуи с сосудом в обеих руках (Гераськова Л.С., 1991, рис. 12, *1–25*) идентичны соответствующей разновидности кыпчакских изваяний. Асимметричная позиция рук двух ранних восточноевропейских изваяний (Гераськова Л.С., 1991, рис. 12, *1, 22*) редко встречается и в кыпчакской скульптуре (Шер Я.А., 1966, табл. XXVI, *129*; Байбосынов К., 1996, с. 89, рис. 57; Ермоленко Л.Н., 2003; Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., 2004, рис. 1, *2*).

Следовательно, изучая вопрос об истоках восточноевропейских изваяний, некорректно рассматривать погрудные изваяния азиатских степей совокупно, а также недифференцированно

использовать признак «асимметричная поза», равно как и «симметричная». Л.Н. Ермоленко было обосновано, что симметричная позиция рук известна и в иконографии древнетюркской скульптуры. В отличие от кыпчакских, сосуд в обеих руках древнетюркских изваяний, как правило, изображен на уровне груди, а не живота (Ермоленко Л.Н., 2002).

Задача выяснения генезиса восточноевропейской скульптуры требует учета данных о сооружениях (святилищах), в связи с которыми устанавливались кыпчакские и половецкие изваяния. С конца 1970-х годов исследователи специально занимаются проблемой половецких святилищ и их систематизацией (Швецов М.Л., 1979; Гуркин С.В., 1987, 1998; и др., см. обзор: Досымбаева А., 2006, с. 89–91). Что касается кыпчакских святилищ Сары-Арки, то впервые А.Х. Маргуланом были выделены две их разновидности: квадратная насыпь (VIII–IX вв.) и каменный курган (X–XIII вв.) (Маргулан А.Х., 1966, с. 15). Впоследствии Л.Н. Ермоленко предложила более подробную типологию святилищ (Ермоленко Л.Н., 2004, с. 34–38). В общем половецкие и кыпчакские святилища подразделяются на «открытые» и «скрытые». То обстоятельство, что в скрытых святилищах бывает несколько изваяний, в том числе разнотипных, должно, на наш взгляд, учитываться в типолого-хронологических схемах. Так, в кыпчакском святилище на р. Жинишке найдены установленные вместе пять изваяний: с сосудом в обеих руках, со свободно опущенными руками, погрудное и два «безруких». У всех изваяний детали лица стилизованы приемами, характерными для статуарных памятников кыпчакской изобразительной традиции. Памятник демонстрирует сосуществование разнотипных кыпчакских изваяний. Что касается скрытых половецких святилищ, то плохая сохранность четырех деревянных изваяний в кургане у балки Средняя Аюла, не позволяет установить их композиционные особенности (Гуркин С.В., 1987, рис. 5, *7*).

В тех половецких святилищах, где изваяния, по-видимому, стояли открыто, тоже может быть несколько изваяний. Исследователи допускают одновременную их установку. В таком случае, в одном святилище могли стоять вместе изваяния разных типов: например, на кургане 3 у с. Новоселовка – статуя, изображающая стоящую женщину с сосудом в двух руках, и погрудное (безрукое?) изваяние мужчины (Швецов М.Л., 1979, рис. 6, *2*); на кургане 2 могильника Ливенцовский-7 – статуи мужчин с сосудом в обеих руках, запечатленных в стоящей и сидящей позе (Гугуев Ю, Гуркин С., 1999, рис. 7–12).

Рис. 1. Изваяние из урочища Кызлы в экспозиции музея Ульгауского заповедника. Фото Ш.М. Абдикаликова.

К проблеме генезиса половецкой скульптуры имеет отношение и проблема хронологии кыпчакских изваяний, трудно поддающихся датировке. Что касается нижней даты, то появление изображений человека с сосудом в обеих руках в Семиречье могло быть связано с бегством части уйгуров к карлукам после разгрома их государства кыргызами в 840 г. (Малявкин А.Г., 1974, с. 7, 26). В пользу этого предположения свидетельствует не только тождество «иконографической позы» с сосудом в обеих руках изваяний уйгурской эпохи (Тува, Монголия) и кыпчакских (Шер Я.А., 1966, с. 24), но и сходство легенды о происхождении кыпчаков с уйгурским преданием о рождении Буку-хана (Радлов В.В., 1893, с. 34; Ермоленко Л.Н., 2004, с. 66–67). В свою очередь, исходя из этой легенды может быть объясним ритуал установки изваяний в кыпчакских и в половецких святилищах (Ермоленко Л.Н., 1994; Ермоленко Л.Н., 2004, с. 67, 69; Гугуев Ю.К., 2009, с. 137–138). Д.Г. Савинов также признает иконографию уйгурских изваяний исходной для «кимако-кыпчакской» скульптуры, которая, в свою очередь, стала основой «иконографии кыпчакских (половецких) каменных изваяний», и предлагает называть традицию изображения человека с сосудом в обеих руках в средневековой кочевнической скульптуре степей Евразии «уйгуро-кыпчакской» (Савинов Д.Г., 2005, с. 250).

Что касается верхней даты кыпчакской скульптуры, то первый исследователь центральноказахстанских изваяний А.Х. Маргулан указывал два века – XIII и XIV; первую дату он, очевидно, связывал с началом монгольского завоевания; вторую – с запретом человеческих изображений исламом, упрочившим свои позиции в степи (Маргулан А.Х., 1966, с. 15, 50). В отношении изваяний Сары-Арки с датой XIII–XIV вв. можно вполне согласиться.

Уточнению датировки кыпчакских изваяний может способствовать вещественный материал из пока еще мало изученных святилищ. До сих пор находки сделаны только в скрытом кыпчакском святилище в урочище Мыржик, в котором были установлены два изваяния: изваяние, изображающее сидящего человека с сосудом в обеих руках, и обломок еще одного, вероятно, погрудного изваяния (Ермоленко Л.Н., Гецова Н.С., Курманкулов Ж.К., 1985, рис. 4–9; Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., 2004, рис. 18–22). Из обнаруженных вещей с уверенностью могут быть атрибутированы только хорошо сохранившиеся костяные колчанные петли. Они соответствуют типу AIV, выделенному Г.А. Федоровым-Давыдовым на материалах из памятников X–XIV вв. восточноевропейских кочевников (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, рис. 2). Согласно С.А. Плетневой, подобные петли были характерны для восточноевропейских кочевнических древностей XI–XII вв. (Степи Евразии..., 1981, рис. 82). Мыржикские находки, в том числе железный наконечник стрелы, Ю.С. Худяков отнес к комплексу вооружения восточных кыпчаков (Худяков Ю.С., 1997, с. 107–109, 113, рис. 74, *4,5*). Следует заметить, что наконечник фрагментирован и о его первоначальной форме мы не можем судить с уверенностью. В дошедшем до нас виде наконечник не был трехлопастным (и это отражено на рисунке в указанных выше авторских публикациях), как ошибочно утверждает А.М. Досымбаева, предлагая датировать его VII–IX вв. (Досымбаева А., 2006, с. 89).

Наконец, проблема генезиса восточноевропейской скульптуры увязана с проблемой этнической атрибуции изваяний, условно называемых нами кыпчакскими. Такие изваяния распространены в горно-степных областях: на юге, главным образом, в Семиречье и на Тянь-Шане, на севере – в Сары-Арке и Прииртышье (Ермоленко Л.Н., 2004, табл. 20).

Попытку установить этническую принадлежность изваяний южной локализации первым предпринял Я.А. Шер. Он высказал предположение о том, что большую часть семиреченских изваяний с сосудом в обеих руках «вернее всего связывать с уйгурами» (Шер Я.А., 1966, с. 64). Л.Н. Ермоленко, в отличие от Я.А. Шера, не считает уйгурских мигрантов создателями семиреченской скульптуры, допуская лишь, что «иконография скульптуры кыпчакского облика сложилась в указанном регионе Семиречья не без влияния уйгурских пришельцев» (Ермоленко Л.Н., 2004, с. 47). С уйгурской атрибуцией выразила принципиальное несогласие А.М. Досымбаева, настаивающая на местном, более древнем происхождении иконографии изваяний с сосудом в обеих руках западного региона азиатских степей (Досымбаева А., 2006, 98 и сл.).

Впервые некоторые изваяния Казахского мелкосопочника были ассоциированы с кыпчаками А.Х. Маргуланом и Л.Р. Кызласовым в статьях, вышедших в середине прошлого века (Маргулан А.Х., 1951; Кызласов Л.Р., 1951). В дальнейшем А.Х. Маргулан выделил группу сарыаркинских изваяний VIII – XIII вв. (IX–XIV вв.), оставленных кыпчакскими племенами (Маргулан А.Х., 1966, с. 15, 20, 51). Как упоминалось выше, Г.А. Федоров-Давыдов связывал подобные половецким изваяния казахстанских степей с восточными кыпчаками, а изваяния Прииртышья Ф.Х. Арсланова и А.А. Чариков определили как «кимако-кипчакские».

Как кыпчакские святилища квалифицировала в конце 1980-х годов Э.А. Новгородова памятники с изваяниями на Сандыкском плато (Новгородова Э.А., 1989). В более ранней совместной публикации с А. Печерским эти «скульптуры кыпчаков» были датированы IX–X вв. и сопоставлены с половецкими статуями XII в. (Новгородова Э., Печерский А., 1986 с. 39), Впоследствии сандыкские памятники рассмотрены А.М. Досымбаевой в пределах «сакральной земли Мерке». В противоположность Э.А. Новгородовой, А.М. Досымбаева не конкретизирует этническую принадлежность изваяний «меркенского типа», констатируя, что традиция каменной скульптуры в Казахской степи была в разное время связана с местными тюркскими племенами – *он ок будун*, тюргешами; свой вклад в нее внесли и пришедшие с востока племена карлуков и огузов (Досымбаева А., 2006, с. 156). Тем самым автор не обсуждает причастность кыпчаков к созданию изваяний. Между тем С.В. Гуркин – исследователь половецких святилищ, специально занимавшийся проблемами этнополитической истории кимаков и кыпчаков, не подвергал сомнению кыпчакскую атрибуцию святилищ в западной части Киргизского хребта, где А.М. Досымбаева локализует сакральную землю тюрков Жетысу-Семиречья. С.В.Гуркин утверждал, что в IX–X вв. кыпчаки, находившиеся в зависимости от кимаков, «проникали не только в области, подвластные огузам, но и свободно кочевали в верховьях реки Талас и в районе Киргизского хребта...». Находки святилищ с каменными изваяниями, идентичными ранним восточноевропейским, автор считал «дополнительным свидетельством пребывания здесь кыпчаков» (Гуркин С.В., 2001, с. 31, 35). Что касается территории Сары-Арки, то, согласно составленным С.В. Гуркиным картам, она в VIII–X вв. входила в пределы кимако-кыпчакского объединения (Гуркин С.В., 2001, с. 28, 32, 34), а в XI в. ею полновластно владели кыпчаки. Таким образом, вряд ли в настоящее время обоснован пересмотр этнической атрибуции кыпчакских изваяний. Мы предпочитаем все же оговаривать условность определения «кыпчакские», не только потому, что часть изваяний, возможно, была оставлена кимаками, но и вследствие локальных особенностей, которые могли отражать этническую многокомпонентность кыпчаков или существование общностей наподобие упоминаемых в источниках «внутренних» и гипотетических «внешних» кыпчаков (Гуркин С.В., 2001, с. 31, 33). Ситуацию такого рода мог отражать известный факт неравномерного распределения иконографических типов в ареале кыпчакской скульптуры. Речь идет о том, что основное количество паспортизованных изваяний с сосудом в обеих руках происходит из западной (казахстанской) части Киргизского хребта, тогда как в Сары-Арке и Прииртышье, наоборот, погрудных кыпчакских изваяний намного больше, чем изваяний с сосудом в обеих руках (Ермоленко Л.Н., 2004, табл. 20). В этой связи заметим, что в восточноевропейских степях ранние изваяния с сосудом в обеих руках и погрудные представлены почти в равных пропорциях – 25: 19 (соответственно, 57 и 43%%). Если соотношение иконографических типов дошедших до нашего времени изваяний в какой-то мере отражает первоначальное, то восточноевропейская пропорция специфична. Из какой области ареала кыпчакских изваяний могли происходить носители традиции? Вряд ли сейчас возможно ответить на этот вопрос, равно как и прочие, связанные с проблемой истоков восточноевропейских изваяний. Однако обсуждать эту тему необходимо, особенно в связи с введением в научный оборот источников, побуждающих к ней обратиться.

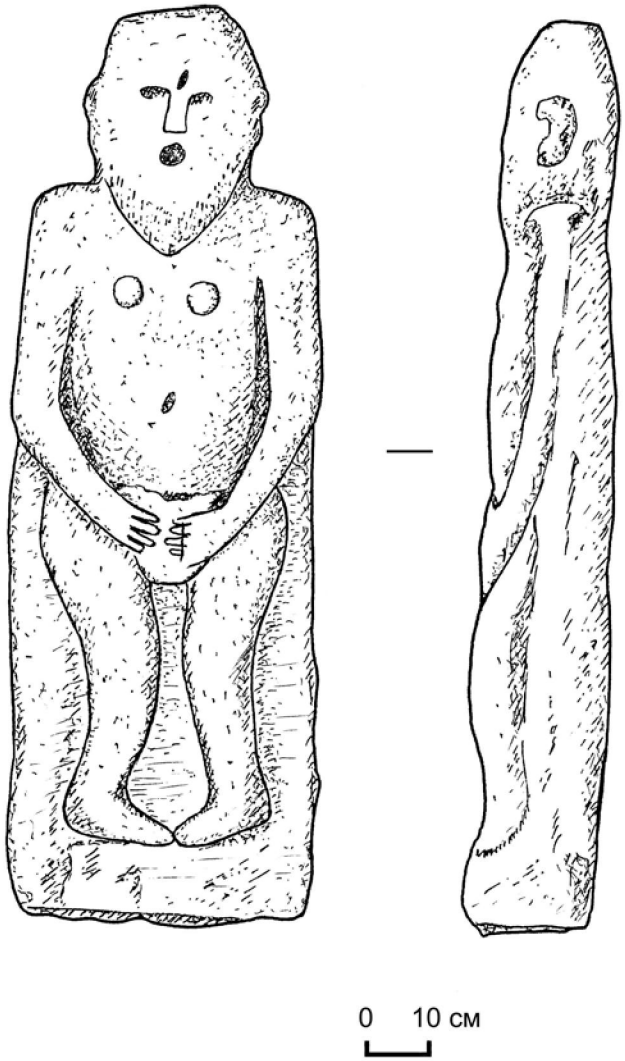

Рис. 2. Изваяние из урочища Кызлы.

Таким источником, на наш взгляд, является документированное авторами летом 2011 г. своеобразное изваяние, которое экспонируется в музее Улытауского заповедника (рис. 1). Об обстоятельствах его находки известно немногое: изваяние было доставлено в 1996 г. сотрудницей музея Салтанат Кудабаевой из урочища Кызлы на р. Каражиланды (Улытауский район).

Изваяние изготовлено из мелкозернистого серого камня; оно изображает стоящую обнаженную женщину с сосудом в обеих руках (рис. 2). Высота статуи 136 см; в основании сохранились следы отбитого цоколя, который был несколько уже нижнего сечения монолита. Анфас реалистично моделированы голова (ширина 28 см) и плечи, остальная часть изваяния, начиная от плеч, имеет прямоугольные очертания (ширина на уровне плеч – 44 см, внизу – 48 см). В профиль толщина изваяния составляет 18–22 см. Голова посажена на короткой шее, нижние очертания лица переходят в полный подбородок, заканчивающийся на груди. Макушка скошена вправо. Углублениями по обе стороны от переносицы сформированы глазные впадины. Над переносицей почти вертикально располагается узкая выбоина. «Брусковидный», слегка расширяющийся книзу нос, выполнен барельефом. Довольно большим округло-овальным углублением воспроизведен «открытый» рот. По бокам головы грубо высечены большие барельефные уши скобообразной формы. На торсе двумя округлыми выпуклостями диаметром около 5 см передана грудь, ниже выбито продолговатое углубление, вероятно, обозначающее пуп. Живот оформлен объемно. Руки, слегка согнутые в локтях, поддерживают на уровне лона сосуд. На кисти каждой руки детализованы четыре пальца. Пальцы левой руки пересекает прочерченная линия. Сосуд невысокий (около 14 см), с широким (15–16 см) горлом; диаметр дна 6–7 см. В верхней части сосуда имеется углубление длиной около 6 см и глубиной до 2 см. Ноги высечены в технике горельефа. Показанные в профиль стопы соприкасаются носками. Начиная от

локтей, горельефные части фигуры высечены на плитовидной основе. На передней поверхности изваяния видны углубленные следы ударов инструмента. С боков и сзади изваяние не обработано, за исключением вертикального желобка на тыльной стороне, который начинается примерно на уровне, соответствующем груди, и заканчивается на уровне стоп.

Очевидно, что изваяние из урочища Кызлы принадлежит к кыпчакской скульптуре, судя по совокупности таких признаков, как жест рук с сосудом, «девичья» грудь, отсутствие изображений иных предметов, кроме сосуда. В иконографии кыпчакских изваяний есть аналогия и редко встречающейся стоящей позе кызлинской статуи. Речь идет об изваянии из комплекса Сулусай 3 на Сандыкском плато (Новгородова Э.А., 1989, табл. VII, 22; Досымбаева А., 2006, табл. IV, *3*). Вряд ли ноги этого изваяния изображены скрещенными. Рельефная фигура в виде перевернутой буквы «П», к которой примыкают ступни, на наш взгляд, воспроизводит передник, подобный нарисованному на изваянии из святилища Жинишке (Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., 2002, с. 84). Ступни ног сулусайского изваяния также повернуты внутрь носками, которые, однако, не соприкасаются. В позе «сидя» со сведенными носками изображено еще одно кыпчакское изваяние из единственного в своем роде святилища, обнаруженного в Шетском районе (Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., 2004, рис. 15, *32*). Ступни ног другого изваяния из этого же сооружения развернуты носками врозь. Поза персонажа может быть трактована двояко: и как поза сидящего на сиденье, и как стоящего (Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., 2004, рис. 15, *31*). Неопределенна поза (стоящая или сидящая) еще одного сары-аркинского изваяния – из урочища Баксымола на р. Тургай (Маргулан А.Х., 2003, рис. 26. *1,2*), а также трех изваяний из Жамбылской области (Байбосынов, 1996, с. 111).

Кыпчакских изваяний сидящих людей известно больше, чем стоящих. Сидящая поза представлена двумя разновидностями. Одна из них, со свешивающимися ногами, предполагает наличие сиденья (Новгородова Э.А., 1989, табл. XIII, 37; Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., 2004, рис. 22, *38*), другая, со скрещенными ногами («по-восточному»), ассоциируется с сидением на полу. Все изваяния, изображающие сидящего «по-восточному» индивида происходят с территории современной Жамбылской области (Чариков А.А., 1980а, рис. 1, *1–5*; Чариков А.А., 1989, рис. 4; Байбосынов К., 1996, с. 73, 111, 119–121, 124; Досымбаева А., 2006, табл. VII, *4–5*), , за исключением двух. Что касается этих двух изваяний, то об одном из них, воспроизведенном в книге Я.А. Шера по рисунку О.Х. Аппельгрен-Кивало, сообщается, что оно найдено в Восточном Казахстане (Шер Я.А., 1966, табл. XXV, *120*). Другое изваяние хранится в Омском краеведческом музее (Чариков А.А., 1980б, рис. 8). Так или иначе, кыпчакских изваяний, которые изображают людей, сидящих «по-восточному», пока не обнаружено в Сары-Арке in situ.

Изваяние из Кызлы, относящееся к числу шедевров кыпчакской скульптуры, отличается от выявленных до сих пор в Сары-Арке изваяний высоким уровнем реализма. Резчик, создавая фронтальное, предназначенное для одностороннего обзора изображение, попытался сделать его объемным. Для этого он, в частности, применил техническое решение, предвосхитившее изобретение половецкими скульпторами элемента, именуемого Л.С. Гераськовой «фон». По определению исследовательницы, фон – это часть изваяния, имеющая вид плиты, «к которой будто бы прислонена нижняя часть фигуры» (Гераськова Л.С., 1999, с. 421). Фон Л.С. Гераськова считает признаком, свойственным лишь скульптуре племенного объединения Белая Кумания (Гераськова Л.С., 1999, с. 426). Такая деталь изваяния из Кызлы, как углубление вверху сосуда, тоже имеет соответствие в половецкой скульптуре. С.А. Плетнева предполагает, что оно служило «для приношений» (Плетнева С.А., 1974, с. 51; табл. 3, *15*, табл. 5, *13*, табл. 6, *23*, табл. 12, *45, 50*; и др.). Аналогию в иконографии половецкой скульптуры имеет и стоящая поза кызлинского изваяния.

Изваяние из урочища Кызлы – не единственное свидетельство попыток кыпчакских камнерезов создать объемное изображение. Образцами искусно выполненных объемных статуй в южной области распространения кыпчакской скульптуры являются разбитое изваяние с «фоном» из Жамбылской области (Чариков А.А., 1980а, рис. 1, *1*), а также изваяние из г. Верный (ныне Алматы), опубликованное в конце XIX в. А.А. Спицыным (Савинов Д.Г., 2011, рис. I, *5*). Д.Г. Савинов, проанализировав атрибуты верненского изваяния, констатировал сходство большинства из них с реалиями половецких статуй (Савинов Д.Г., 2011, с. 163). Объемные кыпчакские изваяния характеризуются большим, по сравнению с «типичными» кыпчакскими, сходством с половецкими статуями. Кыпчакская скульптура, которая, очевидно, одевалась и/или, судя по изваянию из скрытого святилища на р. Жинишке, раскрашивалась (Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К, 2002), могла быть дополнена реальными или нарисованными атрибутами. Допустимо предположить, что кыпчакские изваяния в своем первоначальном виде имели какие-то общие с половецкими атрибуты костюма. Возможно, эту нашу гипотезу подтверждает

упомянутая реалистичная статуя из Верного. Существенно, что полнофигурные кыпчакские изваяния западного региона степей Азии, подобно половецким, изображают стоящих и сидящих людей. Следовательно, ни та, ни другая поза в иконографии половецкой скульптуры не была новшеством. Практика одновременного бытования кыпчакских изваяний, воспроизводивших человеческую фигуру как полностью (полнофигурные), так и частично (поясные, погрудные, «безрукие») также могла продолжиться в восточноевропейской скульптуре.

Таким образом, обсуждение проблемы генезиса половецких изваяний, во многом предпринятое в связи с необходимостью осмысления необычного изваяния из урочища Кызлы, не только подтверждает подвергаемый сомнению некоторыми современными исследователями тезис об иконографических истоках половецкой скульптуры в кыпчакской, но и позволяет поставить вопрос о сходных явлениях в развитии «восточнокыпчакской» и «западнокыпчакской» статуарных традиций.

ЛИТЕРАТУРА

Арсланова Ф.Х., Чариков А.А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // СА. – 1974. – № 3. – С. 220–234.

Байбосынов К. Жамбыл өңіріндегі тас мүсіндер: Каменные изваяния Жамбылской области: Фотоальбом. – Алматы: Онер, 1996. – 176 бет.

Гераськова Л.С. Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. – Київ: Наукова думка, 1991. – 132 с.

Гераськова Л.С. Новое в изучении монументальной скульптуры кочевников средневековья // Stratum plus. – СПб., Кишинев, Одесса, 1999. – № 5. – С. 408–430.

Гугуев Ю.К. Рассказ Жана де Жуанвиля о похоронах знатного кумана // Тюркологический сборник. 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. – 2009. – С. 124–145.

Гугуев Ю., Гуркин С. Половецкое святилище середины XI – начала XII вв. на правобережье Нижнего Дона // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовской гос. консерватории им. С.В. Рахманинова, 1999. – С. 7–32.

Гуркин С. В. Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону // СА. – 1987. – № 4. – С. 100–109.

Гуркин С.В. Святилища половецкого времени с деревянными изваяниями из раскопок Волго-Донской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР // Донская археология. – 1998. – №1. – С. 29–37.

Гуркин С.В. Кыпчаки и кимаки в IX – первой трети XI вв. // Донская археология. – 2001. – № 3–4. – С. 24–37.

Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. – Алматы, 2006. – 168 с.

Ермоленко Л.Н., Гецова Н.С., Курманкулов Ж.К. Новый вид сооружений с изваяниями из Центрального Казахстана // Проблемы охраны археологических памятников Сибири (сборник научных трудов). – Новосибирск, 1985. – С. 137–161.

Ермоленко Л.Н. О семантике средневековых кочевнических святилищ со скрытыми в насыпях изваяниями // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. – С. 157–165.

Ермоленко Л.Н. Древнетюркские изваяния с сосудом в обеих руках // Первобытная археология. Человек и искусство. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. – С. 188–192.

Ермоленко Л.Н. Два средневековых изваяния смешанной иконографии из музеев Казахстана // Археолого-этнографический сборник. – Кемерово, 2003. – С. 125–134.

Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – 132 с.

Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Святилище на реке Жинишке и проблема первоначального вида кыпчакских изваяний // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3(11). – С. 78–87.

Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Приложение 1. Описание изваяний. Приложение 2. Рисунки // Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – С. 79–128.

Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Новые находки средневековых изваяний в Сары-Арке // Археология Южной Сибири. Вып. 24. – Кемерово: Изд-во «Летопись», 2006. – С. 63–71.

Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Байтилеу Д. Новые средневековые изваяния Сары-Арки // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. Сер. обществ. наук. – 2010. – №1 (274). –С. 123–132.

Кызласов Л.Р. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана (Из работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1948 году) // Известия АН КазССР. – 1951. – Вып. 3. – Серия археологическая. – С. 53–63.

Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. История и культура Востока Азии. Т. II. – Новосибирск: Наука, 1974. – 210 с.

Маргулан А.Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане // Известия АН КазССР. – 1951. – Вып. 3. – Серия археологическая. – С. 3–52.

Маргулан А.Х. Ұлытау төңірегіндегі тас мүсіндер // Ежелгі мәдениет күәлары. – Алматы: «Қазақстан» баспасы, 1966. – Бет. 8–52.

Маргулан А.Х. Каменные изваяния Улытау // Маргулан А.Х. Сочинения: В 14 т. Т. 3–4 / Сост. Д.А. Маргулан, Д. Маргулан. – Алматы: Дайк-Пресс, 2003. – С. 20–46.

Новгородова Э., Печерский А. Раннесредневековые скульптуры кыпчаков (новые находки 1984 г. в Джамбульской области) // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып. 10. – М.: гл. ред. изданий для зарубежных стран изд-ва «Наука», 1986. – С. 22–40.

Новгородова Э.А. Кыпчакские святилища на юге Казахстана (Сандыкский перевал, г. Мерке) // Ученые записки комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока Всесоюзной ассоциации востоковедов (Археологические источники). – М.: Наука, 1989. – С. 136–176.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния / САИ. – М.: Наука, 1974. – Вып. Е4–2. – 200 с.

Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. Приложение к LXXII-му тому «Записок императорской Академии наук». – СПб., 1893. – № 2.– 130 с.

Савинов Д.Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Азии. – СПб.: Филолог. факультет СПбГУ, 2005. – С. 181–342.

Савинов Д.Г. О генезисе каменных изваяний начала II тыс. н.э. // Археология Южной Сибири. К 80-летию Я.А. Шера. Вып. 25. – Кемерово: РИО КемГУ, 2011. – С. 162–169.

Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР. – М.: Наука, 1981. – 303 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. – 274 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. – М.: Искусство, 1976. – 227 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 160 с.

Чариков А.А. Группа скульптур из Джамбула // СА. – 1980а. – № 3. – С. 301–307.

Чариков А.А. Каменные скульптуры средневековых кочевников Прииртышья // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1980б. – С. 130–140.

Чариков А.А. Новые находки средневековых изваяний в Казахстане // СА. – 1989. – №3. – С. 184–192.

Швецов М.Л. Половецкие святилища // СА. – 1979. – № 1.– С. 199–209.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 138 с.

Резюме

Л.Н.Ермоленко, Ж.Құрманқұлов

Половецтік мүсіндердің иконографиялық шығу тегі және Қызылы сайындағы қыпшақ мүсінінің ерекшелігі

Мамандардың көпшілігі екі қолымен ыдыс ұстап тұрған мүсіндерді жасаушылар шығыс европаға келген қыпшақ тайпаларынікі деп есептейді. Алайда қазіргі кезде бірқатар зерттеушілер ерте кезеңіндегі шығысевропалық мүсіндер мен соларға ұқсас қазақстандық мүсіндердің қыпшақтардан шыққанына күмәнданып, келіспейді. Осы мақала авторлары қазіргі кезде қазақстандық мүсіндердің қыпшақ негізінде шығу тегін қайта қарауға негіз жоқ деп есептейді. Мақалада ерте кездегі шығыс европалық мүсіндер мен қыпшақ мүсіндерінің бірдей екендігі дәлелденді. Олар қыпшақ мүсіндері тәрізді екі иконографиялық типтен тұрады: 1) Екі қолымен ыдыс ұстап тұрғандар; 2) кісінің тек басын ғана бейнелеу. Мақаладағы Қызылы сайынан (Қарағанды облысы, Ұлытау ауданы) табылған мүсін екі қолымен ыдыс ұстап түрегеліп тұрған әйелді бейнелейді. Ол половецтік мүсіндерге өте ұқсас қыпшақ мүсіні екені даусыз. Қорыта келгенде авторлар половецтік мүсіндердің иконографиялық жасалу тегі қыпшақтардан бастау алатынын дәлелдейді. Сонымен қатар «шығысқыпшақ» және «батысқыпшақ» бейнелеу дәстүрлерінде өзара ұқсастық заңдылықтарының бар екенін айтады.

Резюме

Л.Н. Ермоленко, Ж.К. Курманкулов

Проблема иконографических истоков половецкой скульптуры и особенное кыпчакское изваяние из урочища Кызлы

Генезис половецкой скульптуры связывается большинством специалистов с миграцией в восточноевропейскую степь части кыпчакских племен – носителей традиции изготовления изваяний, изображающих человека с сосудом в обеих руках. Некоторые современные исследователи выражают несогласие с этой позицией, подвергая сомнению кыпчакскую принадлежность ранних восточноевропейских изваяний или аналогичных им изваяний казахстанских степей. Авторы данной статьи полагают, что в настоящее время нет оснований для пересмотра кыпчакской атрибуции казахстанских изваяний. В статье утверждается, что ранние восточноевропейские изваяния идентичны кыпчакским изваяниям. Подобно кыпчакским изваяниям, они представлены двумя основными иконографическими типами: 1) изображение человека с сосудом в обеих руках, 2) изображение человеческой головы. Публикуемое в статье изваяние из урочища Кызлы (Улутауский район Карагандинской области) представляет собой объемное изображение стоящей женщины с сосудом в обеих руках. Изваяние принадлежит к кыпчакской скульптуре, но обнаруживает значительное сходство со скульптурой половецкой. В итоге авторы констатируют обоснованность тезиса об иконографических истоках половецкой скульптуры в кыпчакской. Кроме того, ими высказано предположение о проявлении сходных закономерностей в развитии «восточнокыпчакской» и «западнокыпчакской» изобразительных традиций.

Summary

L.N. Ermolenko, Zh.K. Kurmankulov

The Problem of Iconographic Sources of the Polovtzian Sculpture and an Extraordinary Qipcaq Statue from Kyzly

Most scholars connect origins of the Polovtzian sculpture with the migration of a part of Qipcaq tribes, who brought the tradition of carving stone statues depicting human holding a vessel in the hands to East European steppe. Several contemporary researchers have some doubts about the Qipcaq attribution of early Eastern European statues or similar statues from Kazakhstan steppe. The authors of the given paper believe that at present there are no reason for revision of the Qipcaq attribution of the Kazakhstan statues. The paper argues that the early Eastern European statues are identical to the Qipcaq ones. Similarly to the Qipcaq statues, they are represented by two main iconographic types: image of a human holding a vessel in the hands and that of a human head. The sculpture from Kyzly (Ulutau District of the Karaganda Region), discussed in the paper, is a carved in the round

statue of a standing woman, who holds a vessel in her hands. The statue belongs to the Qipcaq sculpture, however, it reveals significant similarity with the Polovtzian sculpture. Thus, the authors prove that the concept of iconographic sources of the Polovtzian sculpture in the Qipcaq one is quite well-grounded. In addition, they set forth the supposition concerning manifestation of similar regularities in the development of Eastern and Western Qipcaqs statuary traditions.

СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук